

Сергей Тамбовский

Кирпичики

2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Тамбовский

Кирпичики-2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70396684

SelfPub; 2024

Аннотация

Продолжение приключений попаданца в бойца МЖК Сани Лётчика в 1990 году, где он разбирается со своим жильем, со своими женщинами и со своими проблемами

Сергей Тамбовский

Кирпичики-2

Конец августа 1990 года, город Энск

– Что это за девушка в зелёных лосинах? – неожиданно спросил Куриленков. – На телевидении работает?

Гена посмотрел сначала на него, потом на меня и молча предоставил мне право ответа.

– Нет, не работает она на телевидении, – ответил я, – она в нашем институте работает. Бухгалтером. Зовут Любой.

– Ясно, – не стал углубляться в тему начальник, – ну мы, кажется, обо всём договорились. Кассета у меня остается, оригинал ты, надеюсь, сотрёшь. А сейчас извините, у меня встреча.

– Даааа, – сказал мне Геннадий, когда мы оказались на улице Ильинской, – а твоя Люба-то пользуется большим спросом на нашем Энском рынке... боюсь, что ни мне, ни тебе ничего не светит после таких заявочек...

– Это мы ещё посмотрим, – бодро ответил я, – а пока я побежал, дела у меня. Хотя стой... можно я от тебя позвоню этому... Айзеншпису – надо ж ковать, пока горячо.

Гена согласился, и я звякнул из его кабинета по межгороду в Питер. Шмильевич оказался на месте, и мы удивительно быстро обо всём договорились.

– Значит так, – сказал я Гене, – на райкоме проблемы с размещением сцены и ограничением движения по площади Сусанина. А я уж, так и быть, займусь обустройством артистов и маркетингом.

– И что за это будет райкому? – тут же включил еврея Гена.

– Организаторам отходит сорок процентов от общего сбора, четверть этого, уж извини, я себе заберу – остальное ваше.

– Тогда лучше это сделать на футбольном стадионе, – внес свои пять копеек Гена, – там хоть билеты можно будет продать, а какие могут быть билеты на нашей площади? Да и народу в стадион больше вместится.

– Согласен, – не стал упираться я, – на стадионе, значит на стадионе. Кстати наш футбольный клуб курирует, если не ошибаюсь, нынешний мэр города. Сразу два вопроса можно будет решить.

И после этих слов я отбыл на место своего временного обитания. Люба уже вернулась и даже приготовила что-то вроде ужина.

– Садись, дорогой, – пододвинула она табуретку к столу, – и рассказывай, что там с этой кассетой? Взяли на телевидение?

– Вкусно, – похвалил я её стряпню, хотя особенно вкусно-го там ничего не было, – спасибо. А так-то у меня для тебя две новости.

– Хорошая и плохая? – включилась в игру она.

– Там сложно определить степень их хорошеи, – продолжил я, – так что назовём их условно номер один и номер два. И даже третья имеется. С какой начать?

– С первой, конечно, – ответила она. – Кто же с конца читать начинает.

– Есть такие уникамы, что и с конца... ну слушай тогда первую – телевидения не будет. В этом месяце, по крайней мере.

– Ну вот, – обиженно надула губы она, – помнил дитяню конфеткой, а потом сам её и слопал. А почему?

– Случились обстоятельства непреодолимой силы. Отпала, короче говоря, нужда в этой кассете.

– Договорился с этим начальником? Место вам обратно отдают?

– Не совсем так, там более сложная комбинация нарисовалась. Но стороны остались удовлетворены ходом переговоров. Продолжать? – осведомился я.

– Давай конечно, надеюсь, остальные новости немного приятнее будут.

– Я побеседовал по телефону с Айзеншписом...

– Кто это?

– Концертный директор Цоя. А заодно и Гребенщикова с Кинчевым. На концерте нужен будет ведущий... точнее ведущая – на эту роль вроде бы тебя примерить хотят.

– Это уже гораздо лучше, – Люба аж задышала глубоко и

взволнованно, отчего её груди заходили ходуном... захватывающее, доложу я вам, зрелище. – А на третье у тебя что?

– Компот, – пошутил я, – ну не совсем компот, но аперитивом наверно это можно назвать. Гена уже продал мерс и вот-вот найдёт покупателя на бмв-шку, так что завтра, наверно, у нас появятся деньги.

– Йес, – обрадовалась она, – я знала, я знала.

– Квартирку-то совместно будем покупать? – подколот её я.

– Конечно будем, – на полном серьёзе заявила она. – И я даже знаю, где – недалеко от нашего института, там мои знакомые живут, собираются на ПМЖ в Штаты, уступят недорого.

– Окей, – не стал спорить я, – на ПМЖ, значит на ПМЖ. А мне сейчас надо сосредоточиться и написать рекламный слоган для Сани-кабельного. Он очень просил. Пойду-ка я на свежий воздух прогуляюсь, там и сочиню чего-нибудь.

– Знаешь, я с тобой пойду, – решительно заявила Люба. – По магазинам пробежусь, вдруг чего-то выбросили... талоны же пропадают.

– Пошли тогда, чего тянуть-то, – и мы дружно покинули коммуналку.

А на улице, прямо вот около подъездной двери, нас обоих ждал сюрприз – Любу приятный, а меня не очень. Там стоял белый и длинный кадиллак, а возле него Сергей Владимирович Куриленков собственной персоной. С большим

букетом розочек. Как он так быстро вычислил местопребывание Любаши, большой вопрос... скорее всего Гена-крокодил рассказал, больше некому.

Чтобы не растекаться блином по сковородке, скажу коротко и ясно – Любаша упорхнула от меня к новому кавалеру, даже не задумавшись ни на одну секунду. Хотя нет, небольшая заминка была – вернула она мне магазинные талоны на сентябрь, там ещё почти весь лист неотоваренный был. Я спорить не стал, рядом с Куриленковым стояло два амбала с оттопыренными пиджаками в районе левой подмышки. Так что спорить с ними было себе дороже. Но зарубку в памяти я таки сделал, глубокую и длинную...

Надо дальше жить, грустно сказал я себе, возвращаясь в свою пыльную комнату. Допил с горя бутылку вина и уселся сочинять рекламу кабельной продукции. Тупо просидел с полчаса, но в голову так ничего и не пришло. Тогда я плюнул и поехал к Мише – надо же объяснить коллегам по нашему многострадальному МЖК текущую ситуацию.

Мишу я поймал на выходе из своего дома – жил он совсем уже в жуткой коммуналке времён построения развитого социализма. Одноэтажная хибара длиной в сотню метров с двадцатью двумя комнатами вдоль коридора. Кухня там была, в торце и огромная, но сортир уже на улице, а о ванной комнате обитатели могли только помечтать. В баню по субботам, вот и все гигиенические процедуры.

– Здорово, Лётчик, – поприветствовал меня Миша, – ты тут какими судьбами? Люди говорили, что ты в Германию уехал.

– Угу, – подтвердил я, – был я в Германии, но недолго, сейчас вот вернулся. Разговор есть.

– Ну пойдём сядем на лавочку, – предложил Миша, и мы отошли в сторонку, где под развесистым клёном была врыта в землю лавка без спинки, судя по набросанным окуркам, это была местная курилка. – Я вообще-то по магазинам собрался, вдруг чего полезного выкинут, но раз такое дело, магазины подождут.

– Я по поводу МЖК, – сказал наконец я, собравшись с мыслями, – там, короче, такая штука нарисовалась...

– Что-то ты сегодня задумчивый, – подколот меня Миша, – вываливай уже свою штуку, не тяни.

– В общем так – место у нас отобрали окончательно и бесповоротно, назад дороги не будет.

– Так, – невесело усмехнулся Миша, вытягивая из кармана пачку «Стюардессы», – начало безрадостное, может, дальше веселее будет.

– Да, ты угадал, дальше немного лучше – у нас теперь два пути... точнее три, но третий, всё забыть и простить, я не рассматриваю.

– И какие же два других?

– Уйти в Мещерский отряд, там пять свободных мест образовалось...

– А почему, кстати, они там образовались, места эти?

– Я специально не выяснял, но говорят, что эти пятеро бизнесом своим занялись, и сейчас им не до МЖК.

– Ну вариант... – задумчиво произнёс Миша, докуривая стюардессину, – а когда там по плану дом у них сдаётся?

– Через год, но это неточно... времена, сам видишь, какие на дворе стоят.

– Ладно, бомби про второй вариант, – попросил Миша.

– Самим заняться бизнесом, – вывалил я свою задумку. – Есть предварительная договорённость об открытии городского банка. Там есть свободные клетки под сотрудников... меня собираются поставить замом управляющего, а может даже и самым управляющим, так что могу устроить всех наших отрядников на хорошую и денежную работу. Ну может не всех, но половину точно.

– И что, например, я, как конструктор, там делать буду? – спросил Миша.

– Писать-считать умеешь? Компьютер хоть раз в жизни видел?

– Даже работал на нём последние полгода перед уходом на «Керамзит», просчитывали прочность конструкций.

– Вот видишь... в отдел коррсчетов вполне сгодишься.

– И сколько, например, нам денег там положат?

– Пару тысяч точно, плюс премии и бонусы, по итогам года на покупку квартиру должно хватить, однушку сейчас где-то за пятнарик продают, двушку за двадцать.

– А что, эта запись, которой мы с утра занимались – она не сыграла? – вдруг вспомнил Миша.

– К сожалению нет, – ответил я, – к сожалению там задействованы такие люди, что дешевле забыть про наше место в Благовещенке. Если живыми и здоровыми хотим быть.

– Ясно, – Миша забычковал сигарету и продолжил, – я согласен на банк. Только коррсчета это совсем уж заумно, может в валютный отдел меня определишь?

– Подумаю, – ответил я, – ну тогда я к остальным нашим ребятам подскочу, объясню им международное положение...

– Давай и я с тобой – всё равно делать нечего, не по пустым же магазинам шариться, – сказал Миша, и мы дружно потопали на остановку 26-го автобуса.

На следующее утро в банке

Отрядники наши восприняли новость о безвременной кончине МЖК по-разному... в банк, короче говоря, изъявили желание перейти ещё пятеро, в том числе та самая Рита со сложным характером и Роберт с Серёгой... ну тем самым, который считал, сколько кирпичей нам потребуется на стройку. То есть со мной и Мишей семеро получилось. Остальные пятеро честно перешли в соседний отряд.

– Снова, значит, на Керамзит пойдёте? – спросил я у Витька. – Опять кирпичную пыль глотать?

– Год ещё потерпеть можно, – угрюмо отвечал он, – зато

в конце тоннеля квартира светит, а что там в вашем банке будет, сложно сказать.

– Хозяин-барин, – отвечал ему я, – я, короче, предложил, вы отказались. Больше никто никому ничего не должен.

А далее началась карусель с банковскими делами. Я ведь ничего не сочинял, когда сказал Гене про знакомую управляющую одним филиалом в нашем районе. К ней, к Алевтине Игнатьевне, я и отправился после обеда, загрузившись тортиком и мартини, купленным за бешеные деньги у спекулянтов на рынке. Алевтина Игнатьевна, женщина в последнем приступе молодости, руководила этим почти уже бывшим отделением Промстройбанка последние лет десять, если не больше.

Ну вы сами, наверно, помните, что представляли из себя банковские служащие при советской власти. Не помните? Странно... тогда напомним. Сберкассы или эти вот альтернативные банковские ячейки как правило почему делили свой офис с почтовыми отделениями. На вывеске так и писали – слева «Гострудсберкассы СССР Сберегательная касса №», а справа «Министерство связи СССР Отделение связи». «Почту» редко на вывеске писали, потому что эти заведения как правило объединяли в себе ещё и телефон с телеграфом. Тут можно было заказать телеграмму на другой конец необъятной страны, «Схожу ума Велюров» например, или заказать звонок по номеру телефона или адресу. А потом ждать в течение часа с риском не соединиться, бывало и такое – либо

нет никого по данному адресу, либо не слышно ничего.

Ну так вот, в совмещённых таким образом отделениях слева обычно сидели почтово-телеграфные работники, принимавшие или выдававшие посылки от тёти Маши из Тамбова, а справа принимали-выдавали твёрдые советские денежные знаки, размещая их на вклады в сберегательных книжках... сокращённо «сберкнижка», а ещё сокращённое просто «книжка». Серенькая такая книжечка с твёрдыми обложками формата А6.

Вспоминается такой слоган «Оставляй излишки не в пивной, а на сберкнижке». И ещё внутри сберкасс или даже снаружи висели обычно плакаты с сакраментальным «Храните деньги в сберегательной кассе»... как будто их ещё где-то можно было хранить. Иногда попадались разудалые варианты типа «Кто куда, а я в сберкассе. Водка враг, сберкасса друг» или «Понемногу мы копили, вещь хорошую купили». Или самый креативный плакат с самоуверенным мужчиной за рулём Победы, который говорил народу «Накопил и машину купил».

Кроме вкладов сберкассы могли предложить населению так называемые аккредитивы – это если вы поехали куда-то далеко, на курорт Краснодарского края к примеру, и боитесь, что у вас украдут деньги, то можно положить их на этот самый аккредитив. А потом получить по нему денежки в Анапе или там в Геленджике. А что делать, если украдут аккредитив, спросите вы? Ну так он именной, по паспорту

выдаётся, так что денег ему украсть не получится. Но тогда и вам не выдадут ничего, продолжите расспросы вы, без него, аккредитива этого, тоже ничего не дадут... об этом история умалчивает, видимо надо ехать назад, где его выдавали, и там добиваться.

Ещё что-то можно было сделать в сберкассе, спросите вы? Да, кое-что можно – купить облигации трёхпроцентного займа хотя бы. По ним раз в квартал проводились выигрышные тиражи с главным призом в 10 тыс рублей... или автомобилем Волга, не помню уже – пользовалась, короче говоря, спросом эту услуга у народа. Можно было перевести деньги родственникам или знакомым... хотя это вот через Почту кажется делалось. И кредит даже можно было взять, не деньгами, упаси боже, справкой – ты её предъявлял при покупке какой-нибудь дорогой вещи в магазине, там всё оформляли, а ты выплачивал оный кредит в течение года... даже до трёх лет можно было растянуть, всё из зарплаты вычитали, никаких проблем с выплатами, как сейчас. И процентов при этом не брали! Совсем!! Такая вот экономная экономика была.

Валютных отделов не было, за валюту тогда сажали по знаменитой 88-й статье, бабочке. А как же с гражданами, работавшими за рубежом нашей Родины, спросите вы? Им выдавали так называемые чеки Внешпосылторга, в двух вариантах – с синей полосой, это кто работал в странах народной демократии, у них коэффициент зачисления шёл 1:1, если не путаю. И с жёлтой полосой, это кому посчастливилось побы-

вать в капиталистических странах или приравненных к ним странах третьего мира, типа Индии или Египта. Тут уже коэффициент взмывал до 4:1. Отоварить эти чеки можно было в сети магазинов «Берёзка», где имелось разлитое море дефицитного импортного товара, недоступного для широких слоёв населения, а доступного исключительно таким вот внешторгработникам и морякам дальнего плавания.

Ладно, хватит про услуги сберкасс, а то вы наверно утомились уже, граждане – теперь о сотрудниках пара слов. Такая специальность была где-то в самом низу покупательских предпочтений в советском обществе. Даже ниже инженеров в НИИ и дворников. Зарплаты мизерные, перспектив карьерного роста никаких... ну почти никаких – к пенсии может дослужишься до начальника отделения и будешь получать не 110, а 150 рубликов. Сидеть день деньской в помещении, пронизанным сургучным запахом и лаяться со старушками, кои пришли снять три рубля с книжки – вот и вся профессия. О том, что в других странах банковские работники весьма уважаемые люди с немалыми заработками, советские банкирши (а работали здесь почти исключительно люди женского пола) догадывались, но воспринимали это как ещё одно доказательство «их нравов» – у нас-то такого никогда не будет.

Всё изменилось, как бы по волшебству, на излёте перестройки и нового мЫшления, когда банковские отделения получили некую толику самостоятельности и возможности

хозрасчёта и самофинансирования.

Все банковские работники... ну не все, конечно, но руководящее звено точно, бросилось с головой в пучину рыночных волн, а именно – занялось акционированием и самоопределением. Потому что пример пионеров частного банкостроительства в СССР (см Инкомбанк с Менатепом) завлекал и бил набатом в горячие сердца. Про инкомбанковские зарплаты и возможности в народе ходили мифы и легенды. Вот и в нашем провинциальном Энске начались подвижки в данном направлении.

Теперь вы меня спросите – а откуда ж ты знаешь эту Алевтину-как-её-там, председателю филиала? До такой степени, что можешь завалиться к ней с бутылкой и тортом? А я вам отвечу – жила она в том же самом подъезде, где на третьем этаже обитали мы со Славиком Шульцем. Часто общались... ну как часто, раз в неделю точно. Иногда даже помогали ей по хозяйству, потому что женщина она была одинокая и бездетная.

Проблема заключалась только в том, что общался с ней не я в нынешнем своём облики Сани-лётчика, а тот, кем я был до переноса, Сергуней Носовым. Ну да ладно, что-нибудь придумаем...

В отделении Промстройбанка №92/3 было сонное царство – никто не бегал по коридорам с вытаращенными глазами, никто не кричал, что до закрытия опердня остаётся пятна-

дцать минут, а тут ещё сто неведённых платёжек лежит, или что опять красное сальдо на коррсчету и завтра нас закроют к чертям собачьим. Слышно, короче говоря, было, как сонная муха пролетает. Половина первого этажа сталинского дома, где обитал этот филиал, кстати, была отведена под так называемый РКЦ, расчетно-кассовый центр ЦБ СССР. Чем он занимался, я честно говоря, так никогда и не узнал, но народу там много сидело, сто процентов из них женского пола. Они с большим любопытством изучили мою фигуру, пока я мимо проходил. А и во второй половине этого этажа мужчин было ненамного больше, а конкретно я только одного увидел.

– Алевтина Игнатъевна на месте? – спросил я в приёмной банка у секретарши, немолодой и некрасивой женщины в ужасном платье с бантиком где-то между грудей и с печальными, как у коровы, глазами.

– На месте, – ответила она, – а ты кто такой? Тебе назначено? – непринуждённо перешла она на ты.

– Нет, я без назначения, – ответил я, – можете сказать, что я принёс весточку от Сережи Носова и Славы Шульца, она поймёт.

Секретарша скрылась за обитой убогим дермантином дверью кабинет и очень быстро вернулась.

– Заходи, – сказала она, придержав дверь, та пыталась закрыться, влекомая ржавой железной пружиной.

Да уж, хреново банкиры живут, подумал я, входя в каби-

нет, не как в нашем времени.

– Здравствуйте, – сказал я, – Алевтина Игнатьевна. Меня зовут Александр Летов, можно просто Саша.

– Здравствуй-здравствуй, – ответила она, – Александр. Так что ты там говоришь про Сережу со Славой?

– Привет они вам передают и наилучшие пожелания, – сказал я и, опережая её последующие вопросы, сам вывалил подробности их жизни. – Слава в Германию уехал вместе с родителями, живёт теперь во Франкфурте, работает механиком на местном заводике, женился недавно. А Серёжа пока холостой, убыл на днях в Норильск на заработки, длинный северный рубль зарабатывать, – зачем-то приписал я ему биографию своего друга.

– Даааа, – мечтательно сказала Алевтина, – хорошо мы жили в этом доме на Октября, дружно... а ты-то кем им приходишься? – вспомнила она обо мне.

– Так наша семья в вашу же комнату переехала, ну когда вам отдельную квартиру выделили, – начал фантазировать я, – мы и подружился с Сережей и Славиком.

– Ясно, – бросила она, – а меня ты почему вдруг вспомнил?

– Мне Славик письмо недавно написал, где про вас вспомнил...

– Надеюсь, хорошее вспомнил?

– Да, исключительно положительное, – не стал разочаровывать Алевтину я, – и там упомянул про вашу профессию

и место работы. А у меня как раз по этой теме сейчас разработка идёт.

– У тебя лично, как Саши Летова, – спросила она, – или у коллектива, где ты трудишься?

– И то, и это, – увильнул я, – я сейчас работаю в хозрасчетном объединении при Городском райкоме комсомола...

– Что-то я про это слышала, – начала Алевтина, но не закончила фразу.

– Короче говоря, вот, – тут я наконец вспомнил про свой груз и выставил на стол мартини и торт.

– Ничего себе, – и она потрясённо покрутила бутылку, читая то, что на ней было написано. – Прямо вот в Турине сделано?

– Так точно, Алевтина Игнатьевна, – отчеканил я, – в административном центре области Пьемонт, Северная Италия.

– В Берёзке поди прикупил?

– Достал, – ушёл от ответа я, – для хорошего человека ничего не жалко.

На столе, как бы ниоткуда появились две рюмки и блюдечки под торт, мы дружно выпили по первой, и я продолжил.

– Так вот, про акционирование...

– Откуда ты знаешь, чем мы сейчас занимаемся? – подозрительно прищурилась она.

– Так нетрудно догадаться, – отвечал я, – сейчас этим делом занимается 90% банковских руководителей. А кто не занимается, тот усиленно думает в этом направлении.

– Ладно, продолжай, – налила она ещё по рюмочке.

– Есть коммерческое предложение, – ответил я, опрокинув рюмку в рот, – знаете такую контору АМТ?

– Это где Куриленков что ли главным? – спросила она. – Её все знают.

– Так вот, от господина Куриленкова поступило предложение помочь вам с акционированием и раскруткой на начальном этапе. Действовать он собирается в одной связке с райкомом комсомола, так что поддержка сверху гарантирована. 40% уставного капитала от АМТ, а от райкома и вашего банка по 30%. Такое вот предложение, если вкратце...

– А что же он сам-то не пришёл? – задала логичный вопрос Алевтина. – Или хотя бы из райкома какого секретаря не послал?

– Это сугубо предварительный разговор, – дипломатично ответил я, – на уровне соглашения о намерениях. Никого ни к чему не обязывает... если стороны договорятся продолжать договариваться, на следующем этапе подключится и руководящий состав.

– Я останусь при этом руководителем банка? – задала таки самый насущный вопрос она, – или меня планируют подвинуть?

– Ну что вы, что вы, дорогая Алевтина Игнатьевна, – мгновенно среагировал я, – конечно же вы и далее будете руководить подведомственным заведением, так же как и раньше. Только за очень другие деньги.

– За какие? – клюнула она на эту удочку.

– Вот сейчас у вас зарплата, – я поднял глаза к потолку, делая вид, что прикидываю, сколько, – скажем так, в районе 300-400 рублей. Верно?

– Ну допустим, – ответила она, – немного не угадал, но совсем чуть.

– А будет не меньше пяти тысяч, и это только стартовые условия. Дальше она десятками тысяч измеряться станет.

– Это привлекательные условия, – прищурилась она, – а за счёт чего такой рост случится?

– Ну Алевтина Игнатьевна, ну я вас умоляю – вы же в банке работаете и видите, сколько у вас накапливается на 707 счету – финрезультат текущего года.

– На 706-м, – поправила она меня, – 707-й это к прошлому году относится.

– Извиняюсь, – проглотил поправку я, – давно не имел с этим дела, подзабыл. Ну так вот – видите, наверно, этот финрезультат-то? Который чуть менее, чем на 100% уходит в ЦБ. А после акционирования будет оставаться в распоряжении правления банка.

– Налоги ещё вычесть надо, – вставила она очередные пять копеек.

– Правильно, надо... а ещё аренду, зарплату персонала, коммуналку и обязательные резервы. И всё равно после этого останется весьма круглая сумма. Клиентская-то база у вас

наработана и никуда после акционирования не денется, верно? Так что зарабатывать денег продолжится примерно с той же скоростью. И это я ещё не начинал разговор про новые возможности...

– Допустим, – всё-таки с немалой долей сомнения в голосе продолжила она. – А какой смысл тогда Центробанку отпускать нас на вольные хлеба? Такие деньги мимо него поплывут.

– Так Центробанк это не человек, а тяжёлая и неповоротливая машина, ей деньги без надобности. А занимается акционированием как раз не машина, а человек, которого можно мотивировать и заинтересовать...

– И ты знаешь механизм этого мотивирования?

– Э литтл, – зачем-то перешёл я на английский, – немного в курсе. Займёт вся эта бодяга месяц-полтора. После этого можно будет приступить к активной деятельности в новых рыночных условиях.

– Складно говоришь, – усмехнулась она, – ну давай ещё по рюмке и мне работать надо.

– Так что передать господину Куриленкову? – уточнил я, выпив душистый martini.

– Передай, что я взяла паузу на подумать. Напиши, как с тобой связаться – я позвоню.

– Увы, нет у меня пока что телефона, – ответил я, – пишу райкомовский, там сидит такой Геннадий Палыч, он полностью в курсе проблемы. Или ногами можно зайти на Свердлов-

лова, дом 10, квартира 12, два звонка, два шага от банка – я там сейчас обитаю.

– В коммуналке? – зачем-то спросила она.

– Так точно, практически в такой же, где и вы жили до... до 78-го кажется года.

– До 79-го, – поправила она. – Хорошо, я зайду на днях. Мартини если угостишь. Заодно про новые возможности расскажешь, – оказывается она эту мою фразочку не пропустила мимо ушей.

—

А я вернулся в свою постылую комнатушку, сел к подоконнику и не долго думая накатав несколько рекламных заготовок для Сани-кабельного магната. Первая была такая:

Сегодня я не пью Агдам,

Когда поёт Жан-Клод Вандам.

Далее шло:

Отоварил все талоны?

Ждёт тебя Сильвестр Сталлоне.

Ну и такое ещё:

Уважаешь Брюса Ли?

Наше подключай Ти-Ви!

Хотел был и Эммануэль приплести, но ничего не придумал и плюнул, хватит пока. А вместо этого дописал главный слоган в прозе:

Открой окно в мир своих фантазий! Кабельный оператор... (а как, кстати, он называется-то? Надо придумать... ну

пусть будет «Видео-бум») демонстрирует новинки мирового кино и классику, проверенную десятилетиями, ежедневно с 15 до 24 часов. Подключись, и все горести и невзгоды нашего непростого времени обойдут тебя стороной! Только сегодня и завтра скидка 25%!

Хорош, остановил я себя, вышел на улицу к телефонной будке (её ещё надо было найти, работающую), набрал номер Сани и продиктовал ему только что сочинённое.

– А чего, пойдёт, – ответил после минутного размышления Саня, – только не очень понятно, как там может петь Вандам – он же вроде не певец...

– Да, это я маху дал... – честно признался я, – а с другой стороны интрига будет – народ может подумать, что он ещё и запел.

– Завтра распечатаю всё, кроме Вандама, и развешу на подъездах. С каждого вновь подключившегося тебе 20 процентов, – решительно сказал Саша, – ну бывай... да, что там у тебя с этой кассетой-то?

– Сыграла, – лаконично ответил я, – немного не так, как я предполагал, но и так пойдёт.

И я опять поплёлся домой размышляя по пути о своей бывшей супруге – раз уж все остальные женщины меня киданули, может имеет смысл вернуться к Ирочке? Ничего не придумал на этот счёт, плюнул и оставил эти размышления на завтра. А в квартире на кухне меня подждал тот самый озабоченный алкоголем сосед.

– Ну чо, паря, – спросил он меня, – как насчёт остограмливания?

– А давай, – махнул рукой я, – всё равно хуже уже не будет.

– Деньги тогда давай, – хитро прищурился он, – за бесплатно даже птички не поют.

– Хватит? – я сунул ему два оранжевых червонца.

– Хватит, – эхом отозвался он и исчез за дверью.

Долго ждать его не пришлось, минут десять он всего отсутствовал – вернулся с бумажным пакетом, где что-то повязкивало.

– Во, два пузыря Агдама, как раз в эту сумму уложились, – и он гордо продемонстрировал свой улов.

– Не, Михалыч, – честно ответил я, – на вторую я не претендую, можешь себе оставить.

– Что, не по нраву тебе Агдам? – спросил он.

– Да пойдёт, конечно, – ответил я, – только в больших дозах тяжело потом переваривается.

– Заходи, – распахнул он дверь своей комнаты, – будь, как дома.

Я огляделся – комната у него была чуть больше моей, но ненамного, и такая же вытянутая, чуть ли не шесть на три метра. В ней, в комнате этой, имел место стол, крепкий такой, явно в сталинские времена сработанный, три жестких венских стула, продавленный диван, этажерка с разным барахлом, телевизор Горизонт на длинных чёрных ножках в

углу и собственно всё. Куда ж он одежду-то складывает, подумал я и тут же узрел два встроенных шкафа... точнее две кладовки, как их называли в этом времени. Ага, сюда, значит, складывает.

– Чего озираешься? – спросил он меня, – садись. Я щас закусь с кухни принесу.

И он вышел на минутку, а когда вернулся, в руках у него был полбуханки ржаного, кусок докторской колбасы и пара свежих огурцов.

– Наливай, чего тянуть-то, – скомандовал он, выставляя на стол два гранёных стакана.

Я и налил примерно наполовину. Выпили без тостов.

– Как жизнь-то, паря? – спросил он меня, схрумкав половину огурца, – что-то ты пропадаешь часто.

– Жизнь идёт, Михалыч, – уклончиво отвечал я, – как паровоз. То ускорится, то постоит возле полустанка. Бывает, что и в тупик заезжает.

– Девка-то твоя куда делась? – задал он наболевший вопрос. – Красивая была, зараза.

– Была, да вся вышла, – отвечал я, наливая по второй, – нашла себе другого хахалю, с деньгами и должностью. У тебя самого-то жены не было что ли никогда?

– Была жена, – с грустью сказал он, допивая второй стакан, – как же без жены-то... померла только... лет десять уже как. Второй раз не женился, поздно уже мне. Я тебе вот какой совет могу дать, – и он почему-то сразу замолчал.

– И какой совет ты мне дашь? – уточнил я, – чего замолк-то?

– Иногда надо остановиться и отдохнуть. А когда всё само собой уляжется, опять что-то делать можно...

– Мысль глубокая, – задумался я, – ну давай по последней, да пойду я спать – завтра тяжёлый день ожидается.

31 августа 1990 года, пятница

Утром я газетку почитал, Известия – кто-то забыл её на кухонном столе, а я умыкнул. Узнал, что вообще в мире делается. А делалась там сплошная война в Персидском заливе... если кто-то забыл, напомним – Саддам Хуссейныч в июле еще взял и захватил Кувейт, мировая общественность возбухла и решила отомстить тирану. И весь август там шли боевые действия, кои, кажется, уже были близки к завершению. А кроме Хуссейна в мире объединились, наконец, две Германии, и ещё товарищ Горбачев реабилитировал всех диссидентов, включая Солженицына. И стартовала программа «500 дней» имени Явлинского-Шаталина... бред, конечно, собачий, впихивать такую сложную проблему, как переход от социализма к капитализму, в узкие временные рамки. Оно и не вышло ничего, как мне подсказывает память – пустобрёх и балабол этот Григорий Алексеевич, и больше никто.

Из культурных новостей почерпнул для себя что мецена-

ты нынче куда-то все подевались – некая Паола Волкова лила крокодильи слезы на этот счёт. А Михаил Михайлович Жванецкий тиснул удивительно несмешную юмореску под заглавием «Там, где нас нет»... что поделать, Михал-Михалыч был продуктом жизнедеятельности страны, которая умирала на глазах. Жванецкий тоже умер в 91 году вместе со страной, а дальше это была уже какая-то загробная жизнь.

Ну и в разделе «Спорт» имела место длинная статья о том, как живут футбольные федерации республик, отказавшихся играть в чемпионате СССР, а именно – Грузии и Литвы. Ничего хорошего у них не наблюдалось, если коротко. А если длинно, то Ахалкаци, текущий футбольный лидер Грузии, бодрился и подпрыгивал, как у них все отлично – 18 клубов играет, скоро в еврокубках будем побеждать... ага-ага, за пределы отборочных туров никто из грузинских клубов за последние 30 лет не выходит. Сборная тоже играет среди таких корифеев футбола, как Албания, Лихтенштейн и Мальта.

А литовский футбольный функционер, бывший тренер Жальгириса, честно признавал, что в общей лиге уровень футбола был гораздо выше, чем в отдельных курятниках. В графе «программа передач на сегодня» обещали четвёртую серию загадочного сериала «Лифт для промежуточного человека», а после программы «Время» совсем уже непонятных «Глембаев». И уже ближе к ночи ожидался очередной

«Взгляд» под управлением Листьева, Захарова и Любимова. Да, искусство в большом долгу, вздохнул я и отложил газетку, потом сполоснулся под душем, пока его никто не занял, и побрёл выполнять программу на сегодня.

А сегодня мне надлежало утрясти программу выступления знаменитых рокеров, раз, договориться о встрече на высшем уровне по банковским проблемам, два, и что-то ещё там... ах да, стрясти деньги за иномарки с Гены, а то ведь он и замылить их может, это на два с половиной максимум тянет. И с кабельным предпринимателем Саней тоже можно бы порешать наболевшее... о, кстати по его каналу можно толкнуть рекламку концерта. Насчёт рекламы в других местах это отдельная большая тема, её под третьим номером засчитаем.

Когда выходил из арки своего дома, неожиданно наткнулся на одноклассницу Зину... ну ту, которая пристала ко мне во время первого выноса мусора.

– Привет, Лётчик, – обрадовалась она мне. – Что-то ты пропал куда-то с концами.

– Да никуда я не пропал, – отговорился я, – просто в соседний дом переехал, – и я махнул рукой в сторону десятого дома.

– Что, с Ирккой своей разругался что ли? – спросила она с весёлой ухмылкой.

– Угу, – не стал отпираться я, – разводимся мы на днях.

– Да ты чо!?! – сделала она круглые глаза, – даже так? Зна-

чит ты теперь свободный кавалер получаешься – пригласил бы куда-нибудь такую же свободную девушку.

– Извини, Зина, с деньгами напряги, – хмуро ответил я, – как заработаю, так обязательно. А пока никак...

И я бочком протиснулся в эту арку, а из неё быстрым шагом направился на остановку – вот только Зиночки мне сейчас не хватало для полного счастья. Была она, если честно, страшная и непропорционально сложенная, ноги короткие, туловище длинное. И очень-очень разговорчивая.

Поездка до площади Сусанина пролетела незаметно, первым номером своей программы дня я после недолгого размышления поставил Гену-секретаря. Он был на месте и даже ничем не занят... ну если не считать занятием разглядывание ворон возле памятника в приоткрытом окне.

– Садись, родной, – указал он мне на стул, – поговорим.

– Что там с деньгами за мерсик? – сразу же, чтобы не забыть, взял деловой тон я, а то потом вопрос может и замылиться.

– Всё прекрасно с деньгами, – в тон мне ответил Гена, – деньги на депозите в Пинкомвбанке.

– Хм, – озадачился я, – а мне какая радость с этого? Что они в каком-то там банке лежат.

– Так на тебя же депозит оформлен, вот держи, – и он протянул мне книжечку радикального красного цвета, где на обложке был выдавлен логотип этого самого банка, на второй странице мои ФИО, а далее на матричном принтере была

вбита сумма в размере двенадцати с половиной тысяч рублей и двадцати трёх копеек.

– Спасибо, конечно, – отвечал я, – но у меня сразу два вопроса...

– Задавай, – милостиво разрешил Гена.

– Почему в банке, наличные были бы предпочтительнее, – и я сделал паузу, чтобы Гена дал ответ.

– Так надёжнее, – туманно ответил он, – ну как ты этот налик через весь город повезёшь? В автобусе кто-нибудь вытащит, потом ко мне же придёшь с претензиями.

– Ну допустим, – нехотя согласился я, – и как я смогу обналичить этот чёртов депозит?

– Очень просто – приходишь в отделение Пинкомвбанка...

– В Холодном переулке?

– Да, а Холодном, показываешь паспорт операционистке и забираешь нужную сумму в кассе.

– Ладно, убедил. А второй вопрос – почему любашина сумма тут же? Это ж ведь за две машины, я не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, за две, – подтвердил он, – я подумал, что раз вы вместе ездили, вместе и поделите как-то эту сумму, очень не хотелось два раза одно и то же делать... вот и объединил.

– Тут проблемка маленькая нарисовалась, – сообщил ему я, – Люба вчера от меня ушла, так что передача ей этих денег будет несколько затруднена...

– Ух ты, – восхитился Гена, – к Куриленкову что ли?

– К нему... со скоростью ветра убежала, когда он на белом кадиллаке подкатил.

– Ну не расстраивайся, будут и на твоей улице новые Любашаши... хотя девка она красивая, чего уж тут скрывать... а может, ей теперь эти деньги и не нужны больше? Ты вот что, ты не напоминай ей про них, у Куриленкова сто раз по столько имеется и даже немного больше.

– Хорошо, напоминать не буду, – с некоторым усилием согласился я, – давай о делах...

– Про концерт что ли? Так все вопросы решены – стадион нам сдают на сутки, билеты уже печатают, скоро в кассах появятся, что ещё... номера в Центральной гостинице для звёзд забронированы.

– Ещё рекламу неплохо бы дать – в газеты, на афишах, а главное по телевидению. Какая у нас там самая популярная программа в городе?

– Вечер трудного дня, как будто сам не знаешь.

– Вот-вот – я на телевидение. Текст я на коленке набросал – посмотри.

Гена вдумчиво прочитал мои каракули, а потом заметил:

– В конце приписать надо про спонсора...

– И кто у нас спонсор? – спросил я.

– Догадайся с двух раз... Куриленков, конечно, со своей конторой.

– Здорово, – уныло отвечал я, хотя ничего здорового тут, конечно, не было – Куриленков, похоже, во все закоулки моей жизни внедрился. – Надо, так надо – добавим... и ещё вот что...

– Ну не тяни, говори, что там у тебя накопилось, – подтолкнул меня Гена.

– Девиз же концерта «Рок за ВВС» – значит надо хоть как-то соответствовать...

– Ты придумал, ты и выкручивайся, – предложил мне он, – а у меня и других забот достаточно.

На этом мы и распрощались, и я вместо того, чтобы на телевидение бежать, вдруг взял и завернул в Кремль, где с незапамятных времён располагался у нас штаб Волжского военного округа. Куда ты лезешь, Лётчик, можете сказать вы, где ты и где генералы из штаба округа? А я вам отвечу очень просто и убедительно – у меня... точнее у того, кем я раньше был, есть в этом штабе один очень хороший знакомый, с ним и поговорим по душам.

И что же это за знакомый, саркастически ухмыльнётесь вы, летёха-писарь какой-нибудь? Нет, твёрдо возражу я, совсем не летёха, целый подпол. Чем он там занимался и в какой должности был, я не знал, но жил он в том же самом подъезде, что и мы со Славиком и Алевтиной. Иногда по вечерам он с нами в футбол играл, если это лето было, а зимой выходил на каток на коньках и с клюшкой, была у него такая страсть. Так что общались мы часто и подолгу. Опять при-

дётся сочинять про Сергуню, с досадой подумал я, открывая дверь штаба.

– К кому? – строго спросил дежурный капитан.

– К подполковнику Зимянину, – ответил я. – По срочному делу.

Капитан без лишних слов стал накручивать диск телефона, через полминуты он кивнул головой направо:

– Второй этаж, кабинет 22. Долго не задерживайся.

Виталик (так мы все звали его во дворе) был всё таким же маленьким и круглым, как воздушный шар. Он с недоумением воззрился на меня и спросил без всяких обиняков:

– Ты кто такой? Чего надо?

– Я Саня Лётчик...

– А по виду и не скажешь, что лётчик, – перебил он меня.

– Это прозвище такое, от фамилии Летов. Мы вместе жили в 8-м доме по Свердлова... я ещё всё время с Сергуней и Славиком ходил... а с вами в футбол и хоккей играли не один раз... как-то вы меня до дому дотащили, когда мне ногу сломали...

– Ну помню я что-то такое, – поморщился подпол, – давай на этом вечер воспоминаний закроем и начнём о деле. Не о хоккее же ты сюда пришёл поговорить?

– Окей, – ответил я, поудобнее устроившись на стуле, – дело в том, что через неделю на нашем городском стадионе состоится концерт известных исполнителей, первым номером там Цой идёт...

– Да ты что? – удивился тот, – а почему я об этом не знаю?

– Афиши сегодня начинают печатать, объявления в газетах и на ТВ завтра пойдут, – пояснил я.

– А кроме Цоя кто там ещё значится?

– Гребенщиков, Кинчев и Науменко... может быть ещё Наутилус и Чайф, но это неточно.

– Здорово, я бы сходил, – уже с интересом включился в диалог подпол.

– Не вопрос, товарищ подполковник (можно просто Виталий, попросил он) – билеты я вам и вашей семье обеспечу. Но тут вот в чём загвоздка – девиз концерта «Рок за ВВС», так что хотелось бы как-то соответствовать названию.

– Тут надо подумать... – взял паузу он, – истребители над стадионом хочешь обеспечить что ли?

– В самую точку попали, – признался я, – достаточно и одного будет. Чтобы бочку и пикирование выполнил.

– Это дело непростое, – продолжил Виталий, – знаешь, сколько стоит час полёта МиГ-29?

– Догадываюсь, что немало, – ответил я, – со стороны организаторов могу предложить нашим вооружённым силам 20% от всех доходов.

– И сколько это будет в рублях? – поинтересовался он.

– По моим прикидкам тысяч 10-15...

– Это уже гораздо интереснее, – опять задумался Виталий, – знаешь что оставь-ка ты свои координаты, а ещё время и место концерта, а я... мы то есть, подумаем... всё равно же

тренировочные полёты надо выполнять, может и проложим маршрут через ваш стадион. Кто там, говоришь, организует это мероприятие?

Я про это ничего пока не говорил, но нажимать на это не стал, а просто выдал:

– Городской комитет комсомола и концерн АМТ.

– Это где Куриленков главный? – удивился он, – что ж он сам-то не пришёл?

– Занятой человек, – ответил я, – если мы вчерне договоримся, то тогда и он подключится.

– Хорошо, – Виталик покрутил в руках мою писульку с телефоном райкома, засунул её куда-то в ящик стола и попрощался, – ну пока, Лётчик. Я позвоню.

– Можно ногами зайти, если телефон отвечать не будет, я сейчас в соседнем с восьмым доме живу. Квартира 12.

– Договорились, – буркнул он и отпустил меня взмахом руки.

А теперь, значит, дорога моя лежала на родное энское телевидение. Совсем даже и не в телецентр на Белинке, как можно было подумать с первого раза, а совсем даже ко Дворцу спорта профсоюзов, где с очень переменным успехом играла наша городская хоккейная команда. Новый телеканал, который крутил эту рейтинговую передачу про вечер трудного дня, туда переехал совсем недавно, по соседству с Дворцом. Это я совершенно случайно узнал из местной газетки.

Стандартная советская стеклянная коробка, на излете развитого социализма любили такие строить. Возле входа скромная табличка под стеклом «Редакция телеканала «Сети Энска», внутри суровая вахрушка рядом с турникетом.

– Ты к кому, дорогой? – так начала она беседу.

– Мне бы в коммерческий отдел, объявление заказать надо, – сразу встал на деловые лыжи я.

– Ааааа, – поправила она очки, – тогда это тебе не сюда, а во двор, там отдельный вход есть.

Я пожал плечами и передислоцировался во двор – действительно, был здесь ещё один вход почти с торца здания. Таблички никакой не висело. Вахтёров тоже видно не было.

– Добрый день, – поздоровался я сразу со всеми двумя обитателями комнатухи, открывшейся мне за входной дверью. – Насчёт объявлений это к кому?

– Ко мне, – вяло отозвался мужчина средних лет в косоворотке (!)... я ещё подумал – тайный сторонник общества «Память» что ли тут обосновался? – Давай своё объявление.

Я и выложил ему нацарапанное недавно, с припиской о спонсоре.

– Желательно бы, чтобы в «Вечер трудного дня» попало, – добавил я, – и крутить пять дней подряд.

– Триста за одно объявление, полторы за пять, за крупный опт скидка – итого с тебя тыща двести, – подсчитал мужик сумму на калькуляторе. – Что-то я про этот концерт ничего не слышал, – добавил он в конце.

– Так неожиданно всё случилось, только вчера согласовали приезд, – пояснил я. – У меня есть пятьсот, можно, я остальные завтра занесу?

– Можно, – согласился он, но тут у меня в мозгу появилась одна идея.

– А как бы мне с вашим начальством поговорить? – спросил я. – Есть одна мысль по поводу этого концерта.

– Сейчас я позвоню, – не стал выкобениваться мужик.

И позвонил, после чего предложил пройти мне через выход в этой же комнатухе направо.

– На третий этаж поднимешься, там будет табличка «Директор информационного вещания Стеклов В.Н.», с ним и поговоришь. Квитанцию я тебе на обратном пути выдам.

По дороге я ухитрился расспросить случайного встречного сотрудника, что означают эти буквы В и Н – оказалось Владимир Николаевич.

– Можно? – приоткрыл дверь я после стука.

– Заходи, не бойся, – раздался изнутри зычный голос.

– Здравствуй, – с ходу протараторил я, – я Саша Летов, мы вместе с горкомом комсомола организуем в городе концерт Цоя и Гребенщикова, пришёл пообщаться на этот предмет. – И я плюхнулся на гостевой стул.

– Не части, – строго указал мне редактор. – Давай ещё раз помедленнее.

Я повторил, мне не жалко.

– Что-то я ничего про это не знаю, хотя мне по должности

положено, – ответил он, когда, наконец, переварил информацию.

– Теперь вот знаете, – скромно указал я.

– И чего ты от меня... ну то есть нашего канала хочешь?

– Чтоб вы стали информационным спонсором этого мероприятия, – ответил я, – титульный спонсор у нас уже есть, это АМТ во главе, как вы сами наверно догадываетесь, с Куриленковым Сергеем Владимировичем...

– Ни хрена себе, – позволил себе просторечное выражение редактор, – как это вам удалось?

– Коммерческая тайна, – напустил тумана я, – а информационного спонсора пока нет. Шума вокруг этого концерта будет немало, так что вашу рекламу увидят очень многие, а значит и зрителей у вас прибавится. Плюс можно будет устроить осторожные объявления про ваш канал в перерывах между исполнителями.

– Интересное предложение, – сказал, устраиваясь в кресле поудобнее, редактор. – Давай подробности.

Я пожал плечами и вывалил всё, что знаю – мне не жалко.

– Как же ты сумел Цоя зацепить, что он в нашу провинцию решил заехать? – задал наболевший вопрос редактор.

Я прикинул кое-что к носу и решил выложить всё, как есть – рассказал в деталях о происшествии 15 августа на шоссе Слока-Талси.

– Прямо в детективный роман просится такой сюжет, – задумчиво ответил он, – а знаешь что – не повторишь всё это

на камеру? В новостях хорошо зайти должно.

– Какие проблемы, Владимир Николаевич, конечно повторю, но только не сегодня, тут дел ещё по горло.

– Сегодня, если честно, и нам было бы неудобно – а подходи-ка ты завтра в это же время сюда же.

– Замётано, – ответил я и тут же добавил, – насчёт спонсорства, я так понял, принципиальных возражений у вас нет?

– Вот завтра заодно и обсудим.

А следующим пунктом моего сегодняшнего путешествия, как вы все уже наверно и сами поняли, был концерн АМТ и его директор. Охранник пропустил меня без единого вопроса, а вот в предбаннике я с удивлением узрел Любашу Поклонскую, сидевшую за экраном компьютера, Ай-Би-Эм Пи-Си совместимого.

– Какая неожиданность, – ядовито заметил я, – никак не ожидал тебя тут увидеть.

– С сегодняшнего дня, Санечка, – скромно ответила Люба, – я первый помощник главы концерна. А у тебя как дела?

– Лучше не бывает, – буркнул я, – поговорить-то с главой можно?

– Подожди минутку, – сказала она и скрылась за тяжёлой дубовой дверью с вычурными филёнками.

Вернулась она довольно быстро и коротко бросила «заходи», я и зашёл. Куриленков стоял возле окна, разглядывая большой и красивый глобус... не иначе подарок чей-то, по-

думал я и задавил на корню шутку про глобус.

– Привет, – бросил он мне через плечо, – что нового?

Разборок, значит, по любашинному поводу не будет, подумалось мне, ну и славно – перешёл сразу к делу.

– Новостей много, про банк, про телевидение и про вояк – с чего начать?

– Ну давай с военных что ли, – он вернулся в своё кресло.

– Волжский военный округ дал предварительное согласие на участие истребителя в нашем концерте... а может даже сразу двух штук.

– Дада, – рассеянно произнёс он, – там же слоган какой-то хитрый, «Рок за авиацию» что ли.

– Для закрепления договорённости потребуется ваша личная встреча с вояками.

– Это в Кремле? Хорошо, встречусь. Дальше что?

– Телеканал «Сети Энска» уговорился на информационное спонсорство – там тоже нужна личная встреча, но это не срочно.

– А зачем нам такой спонсор? – осведомился Куриленков.

– Ну как зачем, Сергей Владимирович, – пожал плечами я, – реклама бывает плохой только в некрологе. Остальная хорошая.

– Ну допустим... сколько это будет стоить?

– Всё обговаривается... скорее всего нисколько, наоборот они приплатить должны за то, что мы их на концерт пустим.

– Хорошо, – и он чиркнул что-то в ежедневнике. – Теперь

про банк давай.

– Руководство Заводского отделения Промстройбанка...

– Это которое на Октября сидит, вместе с РКЦ? – проявил неожиданную осведомлённость он.

– Да, это самое... в лице управляющей Алевтины Игнатьевны выслушала мои предложения с большим интересом, принципиальных возражений не высказала и тоже желает теперь встречи с вами и комсомольскими руководителями.

– Окей, я всё записал, обсудим и назначим встречи... первую наверно с банкирами, наверно даже завтра, – тут он встал и опять подошёл к окну, я ещё подумал, что он там такого увидел интересного?

И тут краем глаза я вдруг зацепил некое шевеление и поблёскивание на крыше соседнего дома через дорогу – Ильинка улица неширокая, и дома тут очень разной высоты, так что крыша того дома была вровень с нашим окном.

– Ложись, – гаркнул я Куриленкову и толкнул его в сторону от окна, ну и сам, конечно, свалился на пол из свежеположенного красивого паркета.

На улице громынуло, после чего разлетелась вдребезги китайская ваза, стоявшая на краю директорского стола... подделка, наверно, откуда у нас настоящие раритеты... Следом из приёмной вбежали два здоровенных паренька, один из них был тот же, с которым Куриленков у меня Любу уводил. Первый паренёк кинулся к окну, фиксируя происходящее на улице, а второй поволок директора прочь из кабинеты.

та. На меня никто внимания не обратил. Прямо как в фильме про Бельмондо, подумал я, вжимаясь в паркетные доски, ну там, где он в Венеции развлекается.

Отпустили меня через полчаса, тщательно допросив в специально отведённом месте. Даже намёка на благодарность не увидел, да и ладно. На крышу, где притаился стрелок, выслали, конечно, народ, но никого и ничего они там не нашли. Милицию, как я понял, Куриленков решил не беспокоить. Перед уходом мне строго-настрого было указано не трепать языком про случившееся, иначе пожалею – я твёрдо заверил их, что трепать ничем не буду.

А по дороге домой на свой родной проспект Свердлова я усиленно размышлял, кому же это сумел так перейти дорогу Сергей Владимирович и что же будет дальше – ему явно будет не до банков и не до концертов в ближайшем будущем. А последняя моя мысль перед тем, как упасть на матрас и отрубиться, была такая – есть всё же в мире некая справедливость, отольются кошке мышкены слёзы, вот не надо было уводить у меня Любу, тогда возможно и проблем бы у тебя поменьше случилось бы, дорогой директор...

Но заснуть мне удалось не сразу, потому что с визитом прибыл Саня-второй. Ну хотя бы у него новости были приятные – за сутки подключилось сто пятнадцать новых абонентов, так что держи, дорогой, обещанные 20% от общей суммы. И он торжественно выложил 460 рублей модными

полтинниками.

– А чего так много, если по 10 рэ с носа, то это ж будет 230? – спросил я.

– Так я вчера цену подключения поднял вдвое, – объяснил он, – инфляция же.

На радостях раздавили с ним бутылку горькой Стрелецкой, ничего другого, сказал Саня, достать не удалось. Гадость, конечно, но настроение всё равно поднялось – жизнь-то, кажется, налаживается.

На следующий день. Загс и все остальное

А наутро меня опять почтила вниманием моя бывшая половина в виде Ирочки – была она хмурой и насупленной и прямо с порога предложила прогуляться в загс, сам знаешь зачем.

– Я там на девять утра записалась, первой в очереди, – добавила она.

– Есть время ещё чай-кофе попить, – ответил я, посмотрев на часы. – Не хочешь?

– Давай, если не шутишь, – настороженно сказала она.

– Да какие уж тут шутки в восемь утра, – бросил я и пошёл ставить чайник на плиту.

– Загс это на Счастливой что ли? – спросил я, разлив кипяток по чашкам.

– Не, на Счастливой дворец бракосочетаний, – отвечала она, – там только по торжественным поводам собираются. А

для такого, как у нас, есть заведение поменьше, на Комсомольской улице.

– Вспомнил, – буркнул я, – был я там как-то раз, свидетельство о рождении когда восстанавливал. Как жизнь-то течёт, Ируня? – справился я чисто для галочки.

Но она приняла мой вопрос всерьёз и минут десять рассказывала о своих горестях и невзгодах.

– Может повременим с разводом-то? – такая была у неё заключительная мысль, – тем более, что твоя женщина, насколько я знаю, недавно ушла... да и у меня никого нет...

– Нет уж, – твёрдо ответил я, – на переправе коней не меняют, раз уж решили – надо до конца дойти.

Мы допили растворимый Пеле и вышли гуськом на улицу. Идти до загса тут было два шага... ну хорошо, не два, а три с половиной.

– Да, – вспомнила она по дороге, – работы-то для меня никакой не нашёл? Тут слух прошёл, что ты в банк собираешься переходить, я бы там очень пригодилась.

Ну надо ж, подумал я, какой у нас городок маленький, все всё вокруг узнают мгновенно.

– Пока там ни коня нет, ни воза, рано про это говорить – через недельку может быть...

А вот и загс, а перед ним небольшая очередь из желающих. Ирочка быстро построила всех остальных, это у неё хорошо получается, и мы сделали свои дела первыми... много времени это не отняло – детей нет, значит заплати пошлину

и получи свой штампик в паспорт.

– Ну будь здорова, дорогая, – попрощался я с ней на пороге этого заведения, – надеюсь, мы останемся друзьями... а насчёт работы я тебя услышал и поставил галочку в памяти.

Слава богу, слёз не было, не перевариваю я это дело...

А далее у меня опять был сороковой автобус и райком комсомола на площади Сусанина.

– Слышал я всё, слышал, – так встретил меня Гена-крокодил, – а ты теперь герой получаешься.

– Что-то вчера в АМТ мне про это ни одна собака не сказала, – отвечал я, – допросили три раза и выставили на улицу.

– А потом они спохватились и Куриленков решил, что тебе полагается премия. Забеги на Ильинку, там и получишь.

– Ну это совсем другое дело, – обрадовался я, – а насчёт концерта ничего нового не слышно?

– С вояками из штаба я созвонился и мы вчерне договорились, – отвечал Гена, – телевизионщики согласны даже заплатить за съёмки концерта. Ты это хотел услышать?

– Ну да... а с банком будет встреча?

– Всё согласовано на завтра, в три часа там у них, на Октября – твоё участие обязательно. А кстати, – вдруг перепрыгнул на другую тему Гена, – ты можешь хотя бы предположить, кто там на Куриленкова покушался?

– Что я, Ниро Вульф какой, чтобы детективные загадки разгадывать? – ответил я, но тут же, впрочем, предложил одну разгадку, – конкурентов по бизнесу искать надо.

– Или любовные дела распутывать, – продолжил он, смотря на меня пристальным взглядом.

– На Любашу что ли намекаешь? – усмехнулся я, – бред это собачий, шизофрения.

– Это почему?

– Ну сам посуди – Люба всего полдня назад от меня ушла, за это время я даже чисто теоретически не мог подготовить покушение, это раз. А если бы и подготовил, то уж постарался бы в это время быть подальше от жертвы, во избежание подозрений, это два. Ну и третье можно добавить – никакой выгоды от того, что Куриленкова убьют, у меня нет, развалятся оба проекта, которые я продвигаю последние дни, и банк, и концерт. Я тебе честно скажу – если б я захотел его замочить, то сделал бы это после концерта и после акционирования банка. Но я этого и не хочу, потому что не из-за чего – сильных чувств у нас с Любашей и не было никаких – спарились и разбежались...

– Логично, – пробормотал Гена, – но ты учти, что на Ильинке тебя про это дело точно спросят...

– Учту... – ответил я, – и ещё одно дело вспомнил, про Бугрова...

– Это твой начальник в институте?

– Да, он. Надеюсь, идея с его назначением управляющим отпала? Нахрен он нужен там при нынешних раскладах-то?

– Про него я как-то забыл, – смешался Гена, – ладно, подниму этот вопросик сегодня-завтра.

– Ты куда сейчас? – спросил он меня, завершая наш разговор.

– Да к Куриленкову, наверно... – отвечал я, – а потом на телестудию надо, они хотели меня заснять для вечерних новостей.

– Каких новостей? – испугался Гена, – про покушение что ли?

– Да не, про эти новости я молчу, как рыба – насчёт Вити Цоя.

– Ну тогда ладно, – милостиво разрешил он, – насчёт Вити можешь хоть поэму прочитать. С Бугровым, я думаю, мы решим вопрос в рабочем порядке. И ещё одно... – вдруг остановил он меня почти в дверях, – помнишь, ты как-то заикнулся про моментальную лотерею?

– Было такое, – я вернулся обратно к столу, – скретч-полоска, триста процентов прибыли, все дела...

– Так вот, вчера мне случайно позвонил один старый знакомый из Москвы... вместе на комсомольском активе занимались...

– А как зовут знакомого-то, не секрет? – почему-то заинтересовался я, – вдруг я его тоже знаю?

– Не секрет, Мишей Ходорковским его зовут...

– Менатеп который?

– Да, он самый... так вот он предлагает в аренду печатный станок для этого дела. С большой скидкой.

– А чего продать не хочет? И почему сам этим не займётся?

– Ну ты и вопросы загибаешь, Санёк, – нахмурился Гена. – Ответ на оба будут «не знаю».

– И почём нам эта аренда встанет? – спросил я.

– Стольник в месяц, до Нового года пол-ляма... плюс ещё какая-то мелочь на расходные материалы. Деньги отдавать можно не частями, а всё сразу в декабре, но тогда процент включится...

– Если процент меньше десяти в месяц, – быстро подсчитал в уме я, – то дело выгодное... поставить всё это добро можно будет у моего знакомого, который кабельным телевидением занимается. В течение сентября реально начать этот бизнес будет. Да, а откуда ты пол-ляма возьмёшь, Геннадий?

– А это уж не твоё собачье дело, – весело подмигнул он мне, – откуда возьму, там больше не будет ничего. Ну так значит готов взяться за лотерею?

– Всегда готов! – отсалютовал я и очистил помещение.

А в концерне АМТ меня ждал сюрприз – на этот раз приятный, в виде исключения, наверно. Премию мне Куриленков решил выдать не деньгами, а натурой, тем самым Мерседесом-190, который я из Франкфурта недавно пригнал – это он, оказывается его у Гены прикупил.

– Вот, Александр, – показал он мне на чёрное-пречёрное авто, – это моя благодарность за спасение жизни. Права у тебя, насколько я знаю, имеются, вот доверенность на управ-

ление – так что пользуйся на здоровье.

– Вот спасибо, Сергей Владимирович, – искренне поблагодарил я его, – ещё бы с гаражом вопрос решить, такой агрегат ночью на улице стрёмно оставлять.

– Решай, – разрешил он, – а не получится, можешь временно ставить вот по этому адресу, – и он начеркал его на листке из блокнота. – А сейчас побеседуй ещё разок со службой безопасности и ещё что-то я собирался тебе сказать... ах да, завтра в три встреча в банке. Форма одежды парадная.

Пообщался я и с безопасниками – вопреки моим опасениям, про Любу они ничего не спросили, но поминутную раскладку моего вчерашнего дня мне пришлось выложить. Поинтересовались ещё и тем, не подозреваю ли я кого-нибудь, тут я сделал каменное лицо и процитировал товарища Груздева из популярного сериала «Чтобы кого-то подозревать, нужны основания, а у меня их нет». На этом и расстались – я завёл Мерсик и выехал на тесную и узкую Ильинку, легковозного транспорта у нас в городе пока что немного накупили, так что пробки отсутствовали напрочь. На дорожку помахал в окно Любе, она с большим интересом смотрела на меня и моё новое транспортное средство. Вот так вот, Любаша, мысленно сказал я ей, иногда не знаешь, где потеряешь и где найдёшь.

До Дворца спорта, где притаилась редакция телеканала «Сети Энска», я добрался очень быстро. По дороге не один и даже не десять раз ловил на себе завистливые взгляды ав-

толюбителей и простых пешеходов – ну ещё бы, Мерседес в эти годы был примерно как... ну как личный вертолёт в 21 веке. Припарковался без особых проблем, прошёл без заминки через предупреждённую вахрушку напрямиком на второй этаж в студию информационного вещания.

– Ну ты крутой, – это было первое, что мне сказал Владимир Николаевич, – где мерседес-то достал?

– Где-где, – в тон ему отвечал я, – там больше нету... точнее есть, но за морем, перевоз дорогой. Во Франкфурте-на-Майне.

– А мне такой достанешь?

– Можно попробовать... только он ведь дорогой, вы платёжеспособны, Владимир Николаевич? – подколот его я.

– Не волнуйся, найду я денег, раз такое дело.

– Ну тогда считайте, что договорились. Что тут насчёт интервью-то?

– Сейчас тебя загримируют и начнём...

Вся эта процедура была долгой и муторной, начиная от грима и заканчивая тремя дублями на камеру – не по моей вине, то техника у них там барахла, то корреспондент сбивался с текста. Через три часа, если коротко, я вышел на улицу к своей машине... а вокруг неё стояла ну не толпа, но человек десять зевак точно.

– Расступитесь, граждане, – сумрачно буркнул я, – вам тут не в зоопарке.

Граждане нехотя расступились, но один, самый смелый, наверно, всё же поинтересовался:

– Это что, твой?

– Да какой он мой, – не стал его расстраивать я, – реквизит это. Дали покататься на пару дней, пока съёмки идут.

Народ понимающе закивал головами, а этот любопытный задал таки ещё один вопросик:

– За сколько до сотни разгоняется?

– Ты знаешь, – ответил я ему, садясь на водительское место, – я не замерял, но штука довольно быстрая.

И укатил вниз по Гагарина, хватит с меня на сегодня вопросов и ответов. К кабельному Саньку что ли заскочить, думал я, объезжая по кругу площадь Горького, но когда стоял на светофоре, неожиданно заметил на автобусной остановке Галю Короткову, мою бывшую одноклассницу... она, кстати, почти не изменилась с выпускного вечера, хотя уже почти десять лет прошло. Я лихо притормозил, опустил правое стекло (вручную, электро-подъёмники появятся лет через пять) и крикнул в окно:

– Привет, Галюша! Подвезти?

Она недоумевающе всмотрелась в законную темень мерседеса, узнала меня и широко и открыто улыбнулась.

– Салют, Лётчик. А ты, я смотрю, больше не летаешь?

И следом за этим она быстренько запрыгнула на переднее сиденье под осуждающие взгляды женщин на остановке.

– Куда едем? – деловито спросил я.

– Домой, куда же ещё, – ответила она. – Твой аппарат-то или так, поносить дали?

– На смотри, – выложил я перед ней на торпеду доверенность на управление. – До вчерашнего числа не мой был, а с утра стал моим.

– Здорово! – искренне восхитилась она, – сколько ж эта штука стоять может?

– Примерно как двухкомнатная квартира в центре, – ответил я. – Ты бы лучше про себя рассказала – замужем поди давно?

– Была, как же, – с грустью в голосе отвечала она, – за Игорьком Басовым, из параллельного класса...

Я напряг память и вытащил из неё этого Игорька – смазливый пацанчик был, все девчонки от него без ума были.

– И чего Игорёк? Куда делся?

– Загулял... вот мы и расстались через пару лет совместной жизни. А ты-то сам как – всё со своей Ирочкой живешь?

– А вот и не угадала, – ответил я и на очередном светофоре открыл и показал Гале паспорт со свежепоставленным штампом.

– Ну надо ж, – у Гали загорелись глаза, – сегодняшняя дата... у тебя типа праздник?

– Кстати да, – вдруг понял я этот момент, – а давай вместе отпразднуем? Если у тебя никаких дел, конечно, на сегодня не намечено.

– До пятницы, Саня, – ответила она словами Пятачка, –

я совершенно свободна.

– Тогда я загоню мерс на парковку, а потом мы зайдём в одно заведение, недавно в нашем районе открылось, Барселона называется.

– Слышала про неё... но там же наверно дорого.

– Говно вопрос... ой, извини, профдеформация попёрла – денег у меня много, заработал в последнее время – так что не беспокойся на этот счёт. А мы уже подъезжаем...

– Слушай, Лётчик, а ты не можешь меня подвезти к нашему подъезду – ну чтоб мои заклятые подруги умерли от зависти.

– Запросто, – ответил я и вырулил в микрорайон, где стояла наша школа, Галя, сколько я помнил, жила в хрущобе рядом с ней.

– Здесь, кажется?

– Ну надо ж, помнишь, где мой дом стоит... крайний левый подъезд... спасибо – через полчаса возле Барселоны? – и она чмокнула меня в щёку.

– Боюсь, что за полчаса я не обернусь, – ответил я, – давай для надёжности через час.

– Договорились, – ответила она и гордо прошла мимо остолбеневших женщин на скамейке у подъезда.

Ну вот, сказал я сам себе, есть теперь у тебя занятие на весь вечер, а возможно и на ночь – и к Сане тащиться не придётся. Тут наверно надо бы дать словесный портрет Гали, скажете вы, и я с вами соглашусь, надо.

Итак – роста она чуть выше среднего, волосы радикально чёрные, немного вьются – она их ещё со школы как начала коротко подстригать, так и продолжает до сих пор. Фигура классная... на перевёрнутую рюмку похожая. На правой щеке маленькая родинка. Двигается легко и плавно, когда-то спортивной гимнастикой она занималась, но ушла перестала, а спортивные навыки сохранились. Не занудная, может пошутить. Говорит редко и понемногу. Короче говоря, получается не девушка, а мечта – удивительно, как я её проглядел в те времена.

Адрес парковки, который мне начиркал на листке Куриленков, значился в нашем же районе, но не в центре его, а довольно прилично на окраине, почти у выезда на московскую трассу. Охранники там были предупреждены, так что объяснять мне ничего не пришлось. Денег они тоже не взяли. Решил не шиковать и машину ловить не стал – тут недалеко остановка восьмого трамвайчика имелась, на восьмёрке этой, раздолбанной и расхлябанной, я и докатил через полчаса почти что до самой до Барселоны. Купил букетик по дороге, как-никак всё же первое свидание, без цветов не комильфо...

Галя уже переминалась с ноги на ногу неподалёку от входа – это была советская постройка, где раньше было прописано кафе «Буратино» с лимонадом и мороженым в ассортименте, а теперь, значит, в соответствии с веяниями време-

ни здесь стали подавать что-то из средиземноморской кухни. Проверим заодно, как они научились готовить...

– Привет, – сказал я Гале, – давно ждёшь? Это тебе, кстати, – и я вручил ей букетик белых хризантем.

– Ой, спасибо, – улыбнулась она, – я только что подошла.

– Ну тогда вперёд, навстречу приключениям, – ответно улыбнулся я и открыл дверь заведения.

Внутри нас не сказать, чтобы сильно ждали – охранник в синем и не глаженном костюме был хмур и неприветлив. И первое же, что мы от него услышали, было «Мест нет». Однако две оранжевые десятки с портретом вождя быстро исправили его настроение, он спрятал купюры в карман штанов и провёл нас к столику в дальнем конце зала.

– Выбирай, дорогая, – протянул я Гале меню в толстой кожаной папке, – и ни в чём себе не отказывай. Праздновать так праздновать.

– А ты действительно неплохо поднялся, – окинула меня она долгим изучающим взглядом, – денег вон куры не клюют. Мне вот это и вот это, – без всякой паузы ткнула она пальцем во что-то на второй странице.

Официантка кивнула и повернулась ко мне, а я не долго думая сказал «и мне то же самое плюс коньячку какого-нибудь грамм сто».

– Ты же не видел, что я заказала, – удивилась Галя, – вдруг тебе это не понравится.

– Тут, как говорят знающие люди, все блюда неплохие, так

что понравится, – заверил её я.

– Расскажи лучше про себя, – попросила она, – а то про меня ты всё расспросил, а о себе молчок. Я слышала, ты на завод какой-то устраивался.

– Пожалуйста, – пожал плечами я, – у меня тайн нет. Закончил универ, потом работал в институте радиотехники, в январе действительно ушёл на завод, на кирпичный...

– Ничего себе, – поразилась она, – и зачем тебе эти кирпичи сдались?

– Это в рамках программы МЖК, комсомол организует, слышала такое название?

– Что-то слышала краем уха, но ты лучше поясни, – а официантка тем временем притащила нам по греческому салатiku... не совсем, конечно, испанская кухня, но тоже пойдёт.

– Два года надо отработать на предприятии со сложными условиями труда... ну там, куда вольные люди не идут... после этого государство выдаёт тебе квартиру. Ну теоретически выдаёт, на практике разное бывает.

– И ты купился на эту туфту? – неожиданно она ответила, ничего не скажешь.

– Почему купился, почему туфту? – вяло начал возражать я, – там всё довольно прозрачно было, институт перечислил за меня в фонд этого МЖК 25 тысяч рубликов, за остальных наших бригадников то же самое. На эти деньги вполне можно построить прекрасный домик.

– А просто выдать тебе эти деньги институт не мог? В на-

шем районе и сейчас можно двушку купить за гораздо меньшие деньги.

– Правила игры надо соблюдать, – буркнул я, – сказано играть на футбольном поле, значит надо играть на футбольном поле, 11 на 11 человек, два тайма по 45 минут, иначе дисквалифицируют нахрен.

– Саня, ты же умный и взрослый человек, – отвечала мне Галя, доедая салатик, – сам видишь, что вокруг делается – скоро не будет ни МЖК, ни комсомола, ни кирпичных заводов. Пропадёт ваш скорбный труд ни за копейку.

– Уже, – отвечал я с унылой миной (а следом за салатиком появилась и паэлья, рис с морепродуктами и овощами).

– Что уже? – не поняла она.

– Пропал уже скорбный труд – расформировали наш отряд пару недель назад.

– Ну вот видишь, – рассмеялась Галя, – даже и года ждать не стали. Как там хоть работалось-то, на этом кирпичном заводе?

– Мрак и ужас, – ответил я (а паэлья оказалась вполне съедобной, особенно под коньячок), – пыль, грязь, уголовники, а особенно доставала третья смена, с полуночи до восьми утра.

– Хотя бы то хорошо, что он закончился, твой кирпичный завод вместе с этой третьей сменой, – ответила Галя, – давай за это выпьем.

Мы чокнулись.

– И чем ты сейчас занимаешься?

– Я всё же не напрасно на кирпичках здоровье-то гробил, – ответил я, – наработал некоторые связи, раскручиваю одновременно два... нет уже три проекта.

– Расскажи, – попросила она, – если это не коммерческая тайна.

– Да пожалуйста, – я заказал ещё по бокалу, ей грузинское вино, себе коньяку, и выдал на-гора сагу о своих последних похождениях – и про концерт, и про банк, и про лотерею.

Галя молча выслушала всё это, а потом выдала такую ре-марку:

– Возьми меня в один из этих проектов, я тебе пригожусь.

– В какой именно? – уточнил я.

– Да хоть в банк, я всю жизнь мечтала там поработать.

– А специальность у тебя какая, если не секрет?

– Не секрет, бухгалтер я. Восемь лет в речном порту отработала, а сейчас там что-то всё под уклон покатилося. Перспектив никаких.

– Бухгалтер это хорошо, – ответил я, подумав, что все мои знакомые женского пола в последнее время имеют почему-то эту профессию. – Надо подумать... но там одна заминка есть – у меня обязательства перед остальными членами нашей бригады, я ещё шестерых обещал туда устроить...

– Обещать, не значит жениться, – выдала она чеканную фразу, и я не нашёлся, что ответить на неё.

Только и смог выдать – «умеешь же ты чётко и коротко формулировать мысли». Но тут Галя обратила внимание на телевизор, маленький цветной Шилалис, который всё это время стоял на стойке и бубнил чего-то себе под нос.

– Слушай, а это не ты там на экране сейчас? – и она ткнула пальцем в ту сторону.

Я пригляделся – и точно, получается, что «Сети Энска» взяли и запустили интервью со мной в тот же день, когда сняли.

– Ну да, я это...

– И по какому поводу?

– Послушай, сама всё поймёшь, – не стал растекаться мыслью по древу я.

Галя встала, подошла к Шилалису и попросила бармена прибавить звук. Послушала пару минут, потом вернулась.

– Какая у тебя насыщенная жизнь, Лётчик – аж завидно стало. Как ты в Латвии-то сумел оказаться в нужное время?

– Райком послал, – соврал я, – дело одно было.

– И прямо вот туда послал, где Цой на отдыхе был? – недоверчиво переспросила она. – не умеешь ты врать, Сеня...

– Можешь не верить конечно, но всё вышло довольно случайно. Вообще-то говоря, вся наша жизнь состоит из сплошных случайностей, – сделал я попытку перевести разговор в другую плоскость, – вот если б я тебя сегодня случайно не заметил на остановке сорокового автобуса, то мы бы сейчас не сидели в этой вот Барселоне. Как тебе паэлья-то?

– Нормально, на узбекский плов смахивает, – ответила она и всё равно вернулась к предыдущей своей мысли, – а концерт этот, который ты организуешь, Цой в знак благодарности тебе подарил?

– Ну почти... – отвечал я, – там много разных деталей было, если начать рассказывать, до ночи не уложишься.

И тут бармен запустил музыку – челентановскую Soli.

– Давай потанцуем, Галюша, – предложил я ей, – сто лет этого не делал.

– А давай, – тряхнула головой она, – вспомним выпускной вечер.

Если честно, то из нашего выпускного, я запомнил только, как мне было нехорошо после полбутылки портвейна... стоп-стоп, скажете тут вы – ты же совсем не Саня-Лётчик, а этот... как его... Виталий... и не один раз уже говорил, что ничего про своё нынешнее тело и его приключения не помнишь. Какие тут могут быть воспоминания о выпускном?

А я с вами соглашусь – никаких... не могло быть до сегодняшнего дня, а вот когда Гальку в окно увидел, так почему-то они все и всплыли. До мельчайших подробностей. А теперь продолжим диалог про выпускной.

– Да уж, весёлый был вечерок, – поддакнул я ей, – троих наших, кажется, в ментовку забрали.

– Четверых, – поправила меня Галя, – но быстро всех выпустили. Дождик ещё принимался несколько раз, когда мы по парку ночью гуляли.

– Ага, и я тебя целовал тоже несколько раз, – добавил я.

– А вот честно скажи, – посмотрела она мне в глаза, – я как, ничего ещё выгляжу?

Я отстранился на полметра, сделал вид, что оцениваю её, а потом сообщил:

– У тебя, Галюша, сильно заниженная самооценка – выглядишь ты на все сто... может даже на стописят.

– Вот спасибо, – тут она немного прищурилась, – а вообще женщины стареют быстрее мужиков, с этим ничего не сделаешь.

– Да прекрати, – прервал я её, – тебе до старости, как... ну примерно как нашим рокерам до Фредди Меркури с Ричи Блэкмором. Так далеко, что в тумане теряется.

– Не нравятся тебе наши рокеры? – сразу сменила она тему.

– Почему, нравятся... только уж очень они локальные... местечковые – за границами СССР вообще никому даром не сдались. За исключением может быть эмигрантов.

– А ты-то откуда это знаешь? Неужели много бывал за границами СССР?

Я внутренне усмехнулся – порядка 30 раз я там бывал, Галя, в 22 что ли разных странах, но вслух естественно сказал другое:

– Ну вот только что из Германии, например, приехал. Мерседес этот откуда, думаешь, взялся?

– Неужели сам пригнал? – охнула она.

– Угадала... из Франкфурта трое суток без перерыва гнал.

– И как там во Франкфурте? Лучше, чем у нас?

– Очередей нет, это главное, что в глаза бросается... а так-то в чем-то лучше, в чем-то нет...

– Ну ты ваще... – задохнулась она от нахлынувших чувств, – крутой-крутой, как Уокер почти что.

– Не, Уокер круче, – отшутился я, а Челентано тем временем отпел свою Соли, и мы сели обратно за стол. – Кстати, знаешь, о чём эта песня?

– Об одиночестве, наверно, судя по названию.

– Ну это в целом да, но детали там очень интересные...

– Расскажи.

– Если коротко, то парень с девушкой заперлись в квартире, отключили телефон и телевизор и занялись сексом. Припев такой – мы одни, кожа вместо одежды, одни, бутерброд у нас на двоих, одни, крошки в постели, одни, только я и ты.

– Поэтично, – грустно заметила Галя, – это ты мне с налётом рассказал?

– Естественно, – улыбнулся я, – у меня дома хотя и нет телефона с телевизором, но уж чего-чего, а бутерброд я сделать сумею...

Пятница. Куриленков и все-все-все

Утром я сделал для Гали кофе из банки Пеле и пожарил яичницу.

– Ты ещё и готовить умеешь? – спросила она, садясь к подоконнику и прикрывшись простынёй, – не парень, а чистое золото какое-то. Вот же дура какая твоя Ирочка была, что тебя из своих лап упустила.

– После штампика в паспорте, – грустно отвечал я, – все женщины, к сожалению, быстро меняются. Цель-то достигнута, значит можно расслабиться и жить в своё удовольствие, так наверно они считают.

– Не все, – твёрдо возразила она, – лично я расслабляться не собираюсь. Спасибо тебе, кстати, за волшебную ночь.

– Обращайся, если что, – ответил я, – а как там у тебя дома-то, искать тебя не будут?

– Не, я с бабушкой живу, у неё начальная стадия маразма, – ответила она, допив кофе, – уже с год примерно чужие проблемы её не занимают.

– Так разве таких можно одних оставлять? – озаботился я, – которые в маразме? Я слышал, что там круглосуточный контроль нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.